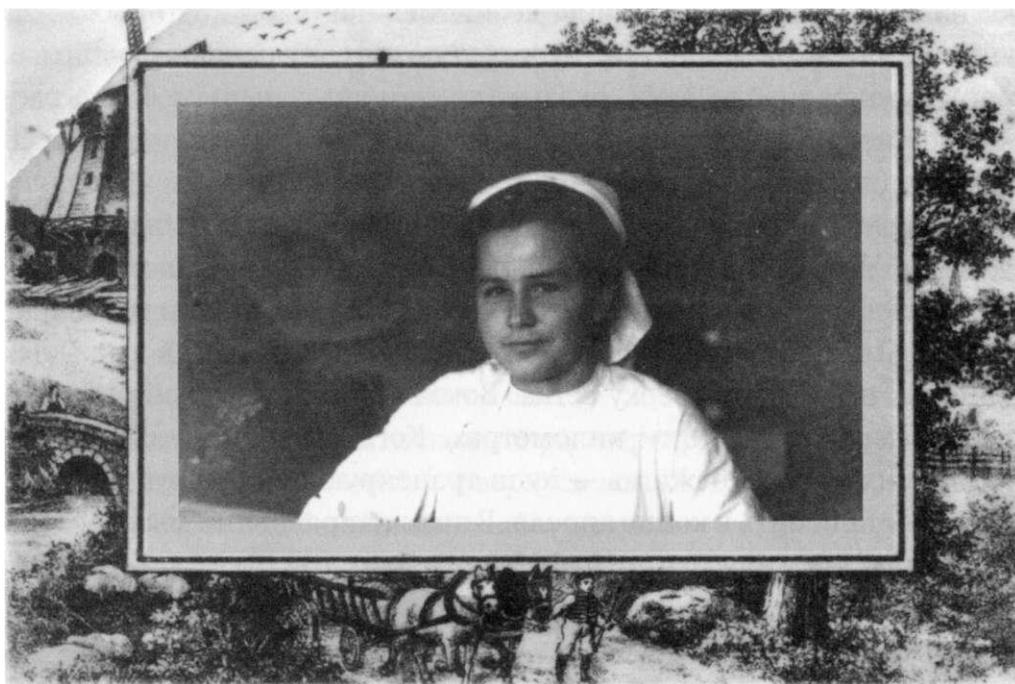

ИСТОРИЯ ЛИДИИ АКИМОВОЙ

Акимова Лидия Алексеевна

Ну что я могу сказать о себе? Закончила семь классов, были планы учиться дальше, собралась в восьмой, училась хорошо, но мои подружки пошли в фельдшерско-акушерскую школу и стали звать меня с собой. Но я и не думала, даже мыслей таких не было, но без подруг никак. Родителям ничего не сказала. Поступила и только через два месяца родители узнали, что я там учусь. Шёл 1939-й год. Мне было 15 лет, учиться на фельдшера нужно было четыре года. Была на втором курсе как началась война. Учёбу сократили на год. Молодёжь направили рыть окопы в Кураково. Видели как летели немецкие самолёты бомбить аэродром. Все бросились скорее домой. Практику проходила в госпитале №2019. Перевязочных материалов было мало, стирали, скатывали бинты. Начался голод, появи-

лись карточки. Иногда на кухне чистили картошку, жарили на рыбьем жиру и были очень рады. Выпуск ускорили, и вместо 1943-го года закончила учёбу в августе 1942-го года. В училище было пять парней и тех, кто был 1924 года рождения, призвали на фронт. Ребята пришли прощаться, в шинелях, красивые, устроили небольшой вечер. Нам тоже захотелось идти на войну, но нам не было и семнадцати лет. Пришли в райвоенкомат, нам отказали, сказали: «Рано ещё, успеете». Но всё же пять девушек и одного парня направили в Демянский район. До Валдая поехали на военной машине, а там распределили кого куда. Я должна была ехать в Демянск, но там уже были немцы. Дали талоны в столовую, ели щи из хряпы без хлеба и направили в Новый Скребель на берегу озера Селигер. Как ехать показали дорогу, сказали, что пойдёт машина, нас подберёт. Кругом канавы, бугры. Сели на пригорок, голосуем. Мимо идут военные машины, а нас не берут. Уже стемнело. Проезжала машина, остановилась. Вышел офицер, сказал: «Я туда еду, обратно, а вы всё сидите». Мы ему сказали, что у нас направление, как-нибудь доедем. Посадил нас в кузов, а там ящики со снарядами. Мы легли на ящики, ухватились за верёвки. Дорога просёлочная, попадались накаты из брёвен, едем, трясёмся в машине. Привезли к опорному пункту. Началась прифронтовая зона. Офицер сказал: «Переночуете». Отвёл в разрушенный дом. Там нары, сено и никого не было. Уснули, утром увидели ящик, а на нём закопченный котелок с супом типа горохового и записка. Мы рады, поели и в знак благодарности отчистили песком и вымыли котелок. Офицер посадил нас в машину. Доехали до Стремля, начальства нет, нам дали карточки, но мы пообедали рыбой три раза в день, хлеба по кусочку. Сказали, что начальство будет через три дня. Недалеко была деревня Мошенка. Там уже шли бои, звучала канонада. Мы пошли в райвоенкомат и меня направили в село Рабеже фельдшером. Село было большое, церковь, воинская часть. В клубе оборудовала медпункт. Пожилая санитарка поселила у себя. Местное население строило дороги, в воде, в сырости. Повально был фурункулёз. Справок больным не давали, нужно было работать. Фронт. Велели всем собраться в Стремле, но я не успела. Налетели немецкие самолёты, разбомбили

церковь. Когда собрались все в Стремле, объявили срочную эвакуацию. Деревни занимали то немцы, то наши. Шёл бой за Демянск.

Дали пять машин, погрузились. Только выехали — летит самолёт. Мы прыгнули под машину. Шофёр крикнул: «В канаву!» Но всё же удалось уехать. Приехали в Валдай, а там нам сказали: «Поедете в Боровичи в райвоенкомат». Мы обрадовались. В военкомате сказали: «Призвать не можем, вам по семнадцать лет, только можете идти вольнонаёмными в госпиталь». Нужна была работа и хлеб. Я пошла в госпиталь №2750, который размещался в трёх зданиях: Свято-духовом монастыре, школе и старой гостинице. Я попала в Свято-духов монастырь. Где раньше была служба, там был оборудован пищеблок, а рядом в двухэтажном здании лаборатория и аптека. В кельях были раненые военнопленные немцы. Света там не было, горели фитильки. Я стала работать там палатной медсестрой. Врач делал обход, давал назначения. У меня были две палаты больных и перевязочная. Запомнила одного больного: сидел на столе, у него было сквозное ранение грудной клетки. Когда нагнулся, из раны фонтаном брызнул гной. Мне стало плохо. Врач — женщина, голос грубый, с папиросой в руке сказала: «Ничего, всё пройдёт».

Началось наступление на Волховском фронте, освободили Новгород. Началась передислокация. Вольнонаёмным предложили по желанию ехать на фронт. Пришла домой, спросила маму как быть, может поеду с отцом увижусь. Но было уже и интересно. Мама согласилась: «Поезжай».

Подали вагоны, технической службы и хоззвода не было. Пришлось самим носить в вагоны топчаны с козлами. Приехали в Кресцы. Принимаем раненых в больнице, под неё было отдано здание школы. Кроватей не было, на полу сено и палатки. Это было сортировочное помещение. Только подъезжала летучка раненых размещали кого на нары, кого на пол на санобработку и оказание первой помощи. Тяжело раненых готовили к эвакуации на летучках в тыл. Только дадут вагоны, ночью налетал немецкий самолёт, бомбил вагоны, раненых несут обратно. И так каждый раз. Выяснили, что работник станции подавал немцам сигналы. Его поймали,

он был немецкий шпион, лазутчик.

Кормили плохо. Раненые всё время просили поесть. Осень. На полях оставалась капуста, приносили раненым и ели сами. Лечить было нечем. Из лекарств был реваноль, в основном, были перевязки. Полно умирало от ран. Фронт пошёл дальше. Освободили Новгород. Госпиталь разместили в бывших конюшнях в Порхове. Разгрузились, вычистили навоз, поставили старинные тумбочки, а на них цветы. Ждали раненых месяц, потом поступил приказ ехать дальше под Псков. Не успели развернуться, как стали поступать раненые

с брюшным тифом, дизентерией. К обычным раненым их нельзя было положить. В шести километрах была деревушка, нашли настил на улице и положили на него дизентериков. Туалета не было. Из лекарств был один сульфедин, а уж только потом пенициллин. Кто выживет, тот выживет. Бедные.

Оттуда направили под Лугу в плодово-ягодный совхоз. Госпиталь развернули в двухэтажном здании, куда приезжали на отдых офицеры. Собирали малину, смородину, поели вдоволь. А по вечерам курсировали по аллеям офицеры и медсестры. Молодые.

Там были недолго. Снова погрузились в вагоны, пересекли границу. В Польше в Белостоке стояли трое суток. Начальство разрешило сходить в костёл. Там спросили разрешения у монашек. Костёл произвёл впечатление, было интересно. Когда вышли из костёла, увидели мужчину, который всё фотографировал. Подумали, не шпион ли. Пошли за ним следом, встретили военного, поделились с ним своими подозрениями. Военный подошёл к нему, что-то спросил, а нам сказал: «Всё нормально». Затем Германия, приехали в Мариенвердер. Госпиталь стал профилированным. Сюда поступали солдаты и офицеры без рук и ног. Проводили повторные операции,

реабилитацию в случае, когда оставались кости. Это были очень тяжёлые раненые. Однажды привезли лётчика, у которого были ампутированы обе ноги. Он только просил дать ему умереть, сказал, что у него была невеста. Начальник госпиталя майор Косоглядова узнала его адрес, написала письмо невесте и

добилась разрешения ей приехать. Когда та увидела парня, сказала: «Всё, никаких, забираю». Их отправили самолётом в Москву.

Дежурили сутками. Раненые по имени не звали, кричали: «Сестра, сестричка!» Кормили очень хорошо, обеды предлагали на выбор. По середине был коридор, а по обе стороны палаты: две палаты по двенадцать и десять человек и одна шесть человек. Пока чего делаешь в одной палате, уже надо бежать в другую и так всё время. Работали так: смену сдашь, халат выстираешь и спать, вечером на танцы. Еду варили местные жители. Конечно, есть боялись и был случай сильного отравления. Мариенвердер — город большой, чистый, по стенам домов спускалась виноградная лоза, но и таил в себе много опасности. Ходили недалеко по десять человек. А потом решили организовать спартакиаду. Была даже форма, но спартакиада не состоялась. В четыре утра восьмого мая разбудил сильный стук: «Вставайте, вставайте, победа!» Двери открылись. Что тут началось! Я побежала в отделение. Раненые плясали на костылях, подушки летели в окна.

А после солдаты долечивались, тяжёлых отправляли в тыл. Начальник госпиталя сказал, что десять человек направляет поездом в госпиталь 0013-26 для прохождения дальнейшей службы. На сборы сутки. Ехали по узкоколейке в маленьких вагонах. Приехали в Польшу город Дзялдово. Недалеко большие бараки. Раненых

не поступало. Пришлось охранять с винтовкой склады. А до аптеки нужно было идти три километра. Дорога была страшная: в тех, кто был в форме стреляли снайперы.

До конца 1945 года простояли в Польше, принимали раненых. Опять поступила команда грузить вагоны имуществом и ехать в Люблин, из вагонов не выходить. Переехали границу, состав пришёл в Западную Украину город Залещики Тернопольской области. Разгрузились в двухэтажном деревянном здании. В госпиталь поступали на выздоровление инвалиды войны, больные из местного населения — украинцы, гуцулы. Медперсонал работает, штат большой. Часть медиков направили на эпидемию сыпным тифом. Ухаживали за ними монашки. Люди лежали без памяти, лечить было нечем, измеряли только температуру. Или кто выживет или нет. Было столько вшей. Одна медсестра заразилась и умерла. Приходили родственники больных, спрашивали живы они или нет. Лежала одна молодая женщина. Должна была быть свадьба, но невеста заболела. Приехал жених, попросил увидеть её, но этого делать было нельзя. Уговорил меня, и я вечером подвела её к окну палаты. Когда забирал невесту из больницы, привёз мне большой белый каравай хлеба и яйца. Вскоре к больнице подъехала машина. И меня при-